

Т. А. Дикун

ПСИХОЛОГИЗМ МЕТЕМПСИХОЗА: АНТИНОМИЯ «ДУША – ТЕЛО» (НА ПРИМЕРЕ АВАНТЮРНОГО РОМАНА А. И. СЛАПОВСКОГО «Я – НЕ Я»)

Автор рассматривает, как раскрывается фундаментальное противоречие «тело – душа», «плоть – дух», «материя – сознание» в условиях метемпсихоза в авантюрном романе А. И. Слаповского «Я – не Я». Обзор итоговый для рубежа XX–XXI вв. «научного» рассмотрения проблемы «душа – тело» соотносится с художественными концепциями, постмодернистскими и сюрреалистическими по форме, но социальными по содержанию. Художественно-философский замысел Слаповского раскрывается на фоне аналогичных художественных решений.

Ключевые слова: современная проза, А. И. Слаповский, «Я – не Я», психологизм, метемпсихоз, авантюрный роман, антиномия «душа – тело», актуальное искусство.

Современное искусство существует в условиях поиска безусловного начала в ситуации деконструкции, релятивизма, недоверия к идеологиям. Художнику важно предложить новый образ мышления в соответствии с динамикой современности в условиях ценностной деконструкции внутренней духовной жизни, произведенной психоанализом, а также очевидных проблем с самоидентификацией индивидуума в условиях атомизированного, дезорганизованного общества. Творческая воля мыслящего художника актуализирует традиционные формы описания действительности, оценивает с гуманистических позиций их содержательные и коммуникативные возможности.

В современном литературном психологизме при исследовании природы человека одной из ключевых является проблема соотношения телесности и духовности/душевности. Это и социальная, и творческая проблема, испытание для художественного дара: как свежо раскрыть древнейшую коллизию самосознания в условиях, когда сама жизнь ставит под сомнение ценность души и духа?

Среди поиска образных решений особую популярность приобретает мотив метемпсихоза (переселения душ, перевоплощения, оборотничества), реализующийся в рамках психологических коллизий.

Цель данной статьи – рассмотреть, как раскрывается фундаментальное противоречие «тело – душа», «плоть – дух», «материя – сознание» в условиях метемпсихоза в авантюрном романе А. И. Слаповского «Я – не Я». А. И. Слаповский – летописец духовной жизни интеллигенции и общества, его проза – зеркало перемен в настроениях и самопознании, отражающее современные антропологические эксперименты. Интерес к произведениям А. И. Слаповского обеспечивает социально-философская доминанта его творчества. Автор не только выдумывает остроумный сюжет, но дает картину современных нравов, т. е. портрет состояния умов и настроений.

Необходимо решить ряд задач: 1) дать обзор итоговый для рубежа XX–XXI вв. «научного» рассмотрения проблемы «душа – тело»; 2) соотнести его с художественными концепциями, постмодернистскими и сюрреалистическими по форме, но социальными по содержанию; 3) раскрыть художественно-философский замысел Слаповского на фоне аналогичных художественных решений.

Проблема «душа – тело» в «научном» дискурсе рубежа XX–XXI вв. и роман А. Слаповского «Я – не Я»

Проблемное поле современного «научного» дискурса включает вопросы целостности психосоматической: 1) структура сознания, доминанты духовного над телесным в их потребностях или наоборот, характерологичности тела; 2) потребности и возможности самоидентификации современного человека; 3) языка понимания и т. д. Эти же проблемы встают в ходе художественного исследования поисков человеком самого себя.

В романе «Я – не Я» (1986–1991, 2005) представлена ситуация существования интеллигента и общества в рамках авантюрного повествования, осложненного психологической коллизией. По принципу организации произведение является социальным, по приему развития действия – сюрреалистическим, т. е. узнаваемо-фантазмагорическим.

В результате метемпсихоза душа Неделина переселяется в тела других персонажей. Он перевоплощается и буквально реализует метафору «влезть, побывать в чужой шкуре», т. е. открывает в себе потенциал бесконечности. Скромный интеллигент обретает чудесным образом способность строить свою судьбу, но все время попадает в ловушку чужого тела, т. е. чужой роли. Сергей Неделин за короткое время успел побывать жуликом, первым лицом государства, эстрадным певцом, алкоголиком, курицей, на короткое время женой Главного и врачом-психиатром. Слаповский предпринимает попытку раскрыть фундаментальное противоречие «тело – душа», «плоть – дух», «материя – сознание».

Наука не может предложить решение проблемы – в силу ее нерешенности самой наукой. Так, В. П. Зинченко отмечает, что в современной психологии «...классическое разделение души и тела потеряло смысл...», а исследования психологов постепенно «приобретают телесную ориентацию» [1, с. 11].

Современный психологический дискурс рассматривает «за» и «против» телесности, обсуждает реальность души, определяет познавательные и экзистенциальные горизонты идеального и соматического самоощущения и отношений с миром.

П. Д. Тищенко определяет телесность как «открытую взгляду внешнюю форму вещи или человека, их тело», отмечая, что «в различных религиозных, философских или научных системах понятие “телесность” может иметь различные, несовпадающие друг с другом значения, которые обычно задаются через оппозицию к значению таких понятий, как “дух”, “ум”, “разум”, “душа”, “сознание”, “психика” или “мышление”» [2, с. 296].

Т. С. Леви рассматривает «телесность (плоть, живое тело, тель, динамическое тело)» как «одухотворенное тело», как особый феномен и специфическое предметное поле психологических исследований, занимающее пространство «между» душой и телом как «физическим объектом, не несущим субъективности, духовности» [3, с. 7].

В. А. Подорога отмечает, что «человеческое тело – не вот *здесь-и-всегда*, не демонстрационный объект, оно *там, в стороне*, оно – постоянно *производимый и воспроизводимый* культурный конструкт. Мы не столько *имеем* тело, или *обладаем* им, сколько им наделяемся, одариваемся, и даже все время пытаемся его освоить, приспособить, как будто оно чужое. И чтобы признать *своим* одно смертное физическое тело, «самое близкое к нам», нужно научиться управлять множеством других образов тел, не менее реальных, и имеющих исключительное значение в мельчайших и моментах повседневной жизни» [4, с. 68].

У Слаповского акцент смещен на самосознание тела. «Воспроизводимость» тела героя происходит в романе «Я – не Я», он пытается управлять новыми оболочками, изучая мельчайшие подробности их жизни. Жажда телесного обновления, поиск новых приключений обусловлены конфликтом «тело – душа». Перемещаясь по телам, душа героя испытывает неудобство от несовместимости с иной оболочкой, с новой социальной ролью, но власть тела доминирует над сопротивлениями души и разума, происходит не смена ролей, а смена сущностей.

Первоначально тело жулика Запальцева воспринимается как перчатка, но очень скоро оно берет верх над душевными переживаниями Неделина, и

новая оболочка начинает управлять. То же самое постепенно происходит и с телом Главного. В новой оболочке певца Субтеева герой легко становится кумиром миллионов. Сознательное состояние Неделина сменяется бессознательным состоянием в теле алкоголика Фуфачёва. Но чем ниже оказывается герой на социальной лестнице, тем более глубокими и философскими становятся его размышления: «Вот мы лежим, маленькие частные люди, затерянные среди пространств земли, в темноте... над нами в воздухе летают тысячи голосов, десятки тысяч звуков...» [5, с. 240].

Однако автор не верит в катартический эффект самопознания через преобразование, авантюрная фабула доминирует над философско-психологической канвой действия. Следующее превращение – в курицу – выглядит анекдотично. С каждым разом подчинение телу происходит быстрее и естественнее, оказавшись в теле птицы, герой не без удовольствия сносит яйцо.

Тело представлено как носитель «сознания», равноправный участник познания мира, оно диктует ментальность, рефлекс, связывает с природой, не дает абсолютной свободы, но дает ощущение полноты существования; душа – неоформленный импульс сознания, которая меняет оболочки. Перед нами постижение границ свободы собственного духа и его пластичности, т. е. способности принимать иные модели существования. Автор демонстрирует результат деградации современного сознания, потерявшего в условиях крушения стабильного мира.

В романе основным является мотив свободы, переселение души – результат личного желания героя. На его рефлексию не могут не повлиять психологические идеи века. В последней редакции в финале произведения пародируется сеанс психоанализа: раскрепощение подсознания и освобождение от разрушительных конфликтов психики. Структура «Я – не Я» коррелирует с фрейдистской триадой «оно – я – они». Но в данном случае речь идет не о подсознании, а о драме самосознания.

А. Слаповский предпринимает попытку найти новый принцип описания человека несамостоятельного, но сохраняющего загадку в условиях дегуманизации культуры и утраты духовной составляющей. Суть загадки – не обретение итогового знания, а сам неостановимый процесс самопознания. Этим позиция писателя отличается от эксплуатации мотива переселения души в массовом искусстве.

Мотив метемпсихоза в массовой культуре XX в. и роман А. Слаповского

Актуализацию некоторых литературных сюжетов связывают с влиянием коммерческого культурного контекста. Мотив метемпсихоза эксплуатиру-

ется в современном кинематографе в различных жанрах (комедии – фэнтези – социально-философская драма). За последние 20 лет в российском прокате вышло колоссальное количество зарубежных фильмов, сюжет которых основан на переселении души в новые тела.

В качестве «движущей силы» для переселения в новую оболочку представлен широкий спектр причин: чаще всего происходит перемещение в тело лица противоположного пола с целью обретения способностей, качеств характера или карьеры другого человека («Прелюдия к поцелую», 1992; «Заведи себе мужчину», «Загадай желание», «Их поменяли телами», 1996); после смерти душа может переселиться в тело животного («Флюк», 1995), воскреснуть, как злой дух («Волшебница тьмы-2», 1996), «Охотники за смертью», 1999) или обрести новый облик в качестве «подарка» от небесной канцелярии («Полетели со мной на Полярную звезду», 1999); новое тело, полученное с помощью операционного вмешательства, может дать возможность реализовать месть («Без лица», 1997); душа может оказаться в теле другого возраста («Из 13 в 30», 2004).

Особое место занимают фильмы, сценарии которых основаны на интерпретации достижений передовых технологий. Так, в картине «Nightworld: 30 Years to Life» (1998) вместо тюремного заключения тела преступников просто искусственно состаривают на нужное количество лет. А в фильме «Обмен телами» (2000) клонирование трактуется как обычное дело, достижения биотехнологии позволяют перемещаться в пространстве, обмениваясь телами... Человек становится социальным суперорганизмом.

Наиболее яркие отечественные экранизации – «Ночной дозор», 2004, «Дневной дозор» (по произведениям С. Лукьяненко), 2005; «Любовь-морковь», 2007, «Любовь-морковь-2», 2008, «Любовь-морковь-3», 2011; «Знаки любви», 2006; «Мужчина в моей голове», 2009; «Щастье», 2007; сериал «Маргоша», 2007–2010; «Синдром Феникса» (по одноименному роману А. Слаповского), 2009; молодежный сериал «Зайцев+1», 2011 и др.

Потеря идентичности (унисекс и отказ от антропоцентризма) приводит к утрате человеком себя как единой системы физического и духовного, природного и социально-культурного, наследственного и приобретенного. Но создатели фильмов эксплуатируют авантюрную коллизию, чтобы захватить зрителя, делая акцент на комизме ситуации. До философских проблем они не поднимаются – и это знак дегуманизации культуры.

Человек, с одной стороны, оказывается в состоянии утраты собственного «я», с другой – всеми силами пытается найти себя, преодолевая внутрен-

ние конфликты и противоречия в условиях разложения нравственных норм и культурных ориентиров, атомизации общества, в котором индивиды духовно обособлены. Мышление тоже теряет целостность миропонимания, становится ситуативным, дискретным, что влечет за собой редукцию личности, деградацию духовного мира, примитивность мышления.

Слаповский как «резонатор», фиксирующий явления несамотождественности и представляющий их в яркой форме, надеется на возможность влияния на кино. Так, в 2009 г. по роману «Синдром Феникса» создается комедийный сериал. По сюжету спокойное и безмятежное течение жизни небольшого города Чихова нарушается неожиданным появлением бродяги-незнакомца Гоши, который совершенно ничего не помнит о своей прошлой жизни. Временный приют герой получает в доме продавщицы Татьяны. К удивлению жителей Чихова, Гоша «страдает» синдромом Феникса: при виде огня он теряет память, а в себя приходит совершенно в ином амплуа [6]. Открытый автором феномен несамотождественности героя характеризует не только растерянность русского человека в условиях крушения смыслов, но и отказ от антропоцентризма в мировой культуре. Но, защищая человека, Слаповский не собирается его героизировать. Акцентируя телесность самосознания, он так привлекает внимание читателя.

Телесное самообнажение как самоидентификация в современном искусстве

Тема поиска себя является актуальной и в современном искусстве, тело становится инструментом и выступает как особый язык общения с публикой. В данном случае речь идет уже не о метемпсихозе, а о самообнажении как самоидентификации через снятие противоречия «человек – животное» (О. Кулик) или через общение с чужим телом (М. Абрамович). Стыд элиминируется, т. е. снимается как помеха для коммуникации. Духовное отменяется (Кулик) или «исследуются» границы его терпимости и воли к самоотречению, происходит демистификация тела и души, издевательская или героически публичная.

Такова функция телесности в современном искусстве акционизма: «Реактивно донести свое понимание ситуации в контексте времени понятным образом значит самому художнику быть представлением собственных сил. Для этого необходимо сохранить чувствительность к воздействиям и чуткость самонаблюдения над следствиями этих воздействий. Глубина мысли выражена поверхностью тела, она эстетична по определению. Тело художника – понимающее тело. Оно есть текст с записанным на нем концептом понимания местоположения человека в космосе вещей и системе со-

бытий» [7]. Но телесная коммуникация затруднена не только в силу традиционной пока табуированности, все еще стыдливости в восприятии темы – нет общего ценностного знаменателя.

На грани садомазохизма (удовольствия через боль) и членовредительства (нанесения телесных повреждений с целью уклонения от каких-либо обязательств) демонстрирует перформансы югославская художница Марина Абрамович. Автор получила известность благодаря инсталляции «Отношения в пространстве» (1976). Обнаженная художница и ее возлюбленный изображали полностью свободные отношения, терзая друг друга на глазах зрителей. Один из наиболее сложных и известных перформансов – «Ритм 0», во время которого художница разрешила публике в течение шести часов манипулировать ее телом. Вместе с Улаем Абрамович создала коллективное существо, называемое «другое», и художники говорили о себе, как о частях двухголового тела. Они одевались и вели себя, как близнецы, и не имели друг от друга секретов, а во время перформанса «Смерть себя» художники соединили рты специальным агрегатом и вдыхали выдохи друг друга, пока не закончился кислород. Через семнадцать минут после начала перформанса оба упали на пол без сознания с легкими, наполненными углекислым газом. Этот перформанс исследовал способность индивидуума поглощать жизнь другой личности, обменивая и уничтожая ее.

Одним из поздних представителей современного искусства является Олег Кулик, работающий в жанре перформанса. Автор использует уже существующие идеи, превращая их в «зрелище». Главным вопросом современного искусства Кулик считает возможность определить, кто ты есть, стать собой.

Одним из самых шумевших является проект Олега Кулика, в котором автор выступает в роли человека-собаки. Данный перформанс перекликается и с опытами Павлова, и с сюжетами литературных произведений (к примеру, с текстом М. А. Булгакова «Собачье сердце» [8]).

Профессор Преображенский преследует благую цель – совершить открытие в области омоложения организма человека, но становится заложником своего эксперимента. Изменив собачий облик, Шариков не меняется внутренне: научившись говорить, не становится человеком культуры, природная агрессия трансформируется в социальную, отождествляется животное и пролетарское как неразумное.

Перформанс демонстрирует утрату преимуществ человека перед собакой, а бесстыдство преподносит как естество. Кулик сам обращается в собаку, стремится к тому, чтобы восстановить (куль-

тивировать) свежее и обостренное чувственное восприятие мира человеком и одновременно реабилитировать животное (природное) начало.

В одном из интервью Кулик даже упоминал о проекте, в рамках которого он сам произведет на свет ребенка от своей собаки. Предполагалось, что этот замысел, во многом напоминающий идею Булгакова, будет реализован при помощи биоинженерии. Из искусственно выращенной и оплодотворенной яйцеклетки разовьется эмбрион.

Все экстравагантные художественные проекты Кулика соотносятся с глобальными этическими проблемами современного мира, стремящегося к созданию Нового Человека, освобожденного от сантиментов гуманистической и канонов традиционной культуры.

А. И. Слаповский все-таки обращается к исследованию этого процесса дегуманизации. Роман «Я – не Я» включает вопрос о бесконечных возможностях, которые стремится открыть в себе человек. Но автор пытается понять, к чему ведут подобные эксперименты и что в результате остается от человека. Писатель не одинок, аналогичные исследования производит мастер фантазмагорического абсурда Л. Петрушевская.

Метемпсихоз в новейшей прозе

Специфические эксперименты с человеческим телом представлены в произведениях современной прозы: рассказы «Ars amatoria», «Ястобой» из книги «Желтый дом» (2000) Ю. Буйды, рассказ «Conkretные» из книги «Пир» (2001) В. Сорокина и др. Это постмодернистские, т. е. не рефлексивные по принципу изображения перемен в сознании и природе человека. Пример философской трактовки метемпсихоза, психологически изощренной, трагической, представлен в романе Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004).

Повествование, как и у А. Слаповского, соединяет авантюрное повествование с психологическим исследованием проблемы телесного самосознания, но осложняется острой постановкой нравственной ответственности и испытания смертью. Игровое повествование не отменяет истинную трагедийность коллизий. Душа этнографа Номера Один, вынужденного спасти друга, семью и самого себя, переселяется в тело бандита Валеры, и постепенно оно начинает подчинять себе сознание интеллигента, подавляя его. Проявляются инстинкты вора, его повадки, хамство, жестокость, жадность. Первое ощущение от нового тела – «противное ощущение именно чужих ногтей... ладонь широкая, чужая до тошноты» [9, с. 110].

Происходит утрата человечности, при этом Номер Один испытывает физические муки «вживания» в чужую оболочку. Но еще большее мучение

доставляет герою постепенное «умирание» сознания, потеря языковой адекватности. Язык (речь) идентифицирует человека не хуже, чем имя (номер) и тело, которое, в отличие от сознания, от переселившейся «души», сразу, полностью и бесповоротно становится при метемпсихозе иным, чужим. Речь выступает как неотъемлемая часть тела, а не души.

Кроме того, письменная речь становится еще и хранилищем памяти героя. В письме жене Валера-Номер Один изъясняется грамотно и литературно, что отражает сознание и поведение интеллигента. В едином физическом теле одновременно вещают две души.

В конце романа, размышляя над вопросами: «кто я?», «кто мы?», герой Петрушевской осознает, что сам человек и есть память. В том концептуальное высказывание автора.

«Я – не Я» Слаповского создается в самый пик разоблачений и редуций духа до тела, автор дает свою трактовку темы зависти как духовного явления. Но сводит анализ к коллизиям, связанным с переменой тела, которое символизирует новую судьбу. Как оказалось, нет принципиальной разницы между курицей и человеком. В этом анекдотическом переходе наблюдается явная переключка с опытами О. Кулика, чьи эксперименты сводились не только к созданию образа человека-собаки, но и подражанию другим животным и птицам. Слаповский не постмодернист-релятивист, и он производит нестрашный суд над героем. Коллизия нисхождения – это своеобразная пародия на карму: чем хуже становится душа, тем хуже новая оболочка.

Вторая редакция романа осложнена введением метаморфозы трансвестизма. Вероятно, влияние на развитие коллизии оказало современное кино. К социальным самоидентификациям добавляется вопрос о внутренней сущности человека. Герой авантюрного романа «подвергается» сеансу психоанализа, призванному раскрепостить подсознание, освободить от разрушительных конфликтов психики и помочь найти причину несамотождественности.

Эксплуатация приема у Слаповского очевидна. Метемпсихоз и новая череда превращений представлены и в романе А. И. Слаповского «Синдром

Феникса» (2007). Герой теряет память под воздействием огня и, перерождаясь, словно птица Феникс, обретает не только новую душу, но и новую жизнь. Душа, по Слаповскому, – это память, которая вспыхивает вместе с огнем, а судьба – обретение не родного тела, а нормального существования: семья, жена, дети, работа в саду.

В романе «Победительница» (2009) героиня-красавица волею судьбы продолжает существование уже в изуродованном теле и повествует из будущего, как трансформировался Homo sapiens: человек прошел путь от «золотого века», торжества нанотехнологий, вживления внутричерепных компьютеров, до жизни в ржавых бочках [10]. Алексей Слаповский, пытаясь ответить на вопрос «что есть красота?», рассматривает негативную тенденцию развития социума, впадшего в зависимость от научно-технического прогресса, когда технологии формируют новую – дегуманизованную – культуру. Главное изменение в антропологии – вмешательство кибертехнологий в человеческий организм. Новый человек – это человек *информационный*, т. е. живой скоростной компьютер, мощный интеллект будущего, лишенный эмоциональной составляющей. Цифровое тело не обладает душой. Обретение ее возможно лишь с утратой прекрасной новой оболочки.

Итак, в современной литературе противоречие «душа – тело» решается с помощью архетипического сюжета метемпсихоза. В творчестве А. И. Слаповского использование приема претерпевает метаморфозы, но одной из ключевых остается тема психологической и нравственной эволюции человека. Автор пытается подобрать ключ к человеческой натуре, сохраняя загадку человека. Свобода превращений – перемещений в новые оболочки – не способна обеспечить душевную идентификацию. В поисках адекватного «Я» Неделин отправляется в новое путешествие, Гоша вместе с новой судьбой обретает новую судьбу – семью, любимую работу и т. д., изуродованная красавица-модель задумывается о смысле и продолжении жизни. На фоне разрушения норм и ценностных основ человек не в силах найти самого себя, но, страдая, сохраняет волю к поиску и самосознанию.

Список литературы

1. Зинченко В. П. Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. 736 с.
2. Тищенко П. Д. Тело: философско-антропологическое истолкование // Там же.
3. Логос живого и герменевтика телесности. Постигание культуры: Ежегодник. Вып. 13–14 / Федерал. агентство по культуре и кинематографии. Рос. ин-т культурологии; ред. кол.: О. К. Румянцев (отв. ред.) и др. М.: Академ. Проект; РИК, 2005. (Серия «Технологии культуры»). 720 с.
4. Подорога В. А. Полное и рассеченное. Политики тела. Материалы к истории базовых образов // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. 736 с.

5. Слаповский А. Я – НЕ Я : роман. М.: Эксмо, 2005. 368 с.
6. Слаповский А. Синдром Феникса: роман. М.: Эксмо, 2007. 349 с. (Современная проза).
7. Савчук В. В. Что исполняет перформанс? // Феномен артистизма в современном искусстве. М.: «Индрик», 2008. С. 497–517.
8. Булгаков М. А. Собачье сердце // Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: Худ. лит. 1989. 751 с.
9. Петрушевская Л. Номер Один, или В садах других возможностей: роман. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 256 с.
10. Слаповский А. И. Победительница: роман. М.: АСТ: Астрель, 2009. 352 с.

Дикун Т. А., учитель русского языка и литературы, аспирант.

МОУ «Шелеховский лицей».

Ул. Олега Кошевого, 58, Шелехов, Иркутская область, Россия, 666034.

Иркутский государственный университет.

Ул. К. Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003.

E-mail: arhipova_t@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.02.2012.

T. A. Dikun

**PSYCHOLOGISM OF METEMPSYHOOSIS: OPPOSITION “SOUL – BODY”
(ON THE EXAMPLE OF THE ADVENTURE ROMANCE BY A. I. SLAPOVSKY “I – NOT I”)**

The author considers, how the fundamental oppositions “body – soul”, “flesh – spirit”, “matter – consciousness” in conditions of metempsyhoosis in A. I. Slapovsky’s adventure story “I – not I” reveals. The review total for boundary of the 20–21st of centuries of “scientific” consideration of the problem “soul – body” corresponds to the art concepts, postmodernist and surrealist under the form, but social under the maintenance. The art-philosophical plan of Slapovsky reveals against similar art decisions.

Key words: *modern prose, A. I. Slapovsky, “I – not I”, psychologism, metempsyhoosis, the adventure (a picaresque) romance, opposition “soul – a body”, actual art.*

MOU “Shelekhov lyceum”.

Ul. Olega Koshevogo, 58, Shelekhov, Irkutsk region, Russia, 666034.

Irkutsk State University.

Ul. K. Marksa, 1, Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: arhipova_t@mail.ru